

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XV¹⁾.

Внутренняя жизнь Россіи.

Г-жу Новикову, поборницу Балканскихъ славянъ, англійскіе либералы считали представительницей неофициальной Россіи. Она защищала свободу, національность, религію и самодержавіе. Но когда, по окончаніи Балканской борьбы, центръ революціи былъ перенесенъ изъ Филиппополя въ Петербургъ, г-жа Новикова, не колеблясь, взяла на себя трудную и неблагодарную задачу защищать эти принципы отъ нападковъ нигилистовъ, и революціонеровъ, сильно поддерживаемыхъ въ Европѣ и въ Лондонѣ, со времени Герцена.

„Смерть Царя Освободителя стала причиной суровыхъ репрессій въ Россіи“, говоритъ Стэдъ, и онѣ продолжались до смерти Александра III. Все время этого царствованія Ольга Алексѣевна, съ необыкновенной смѣлостью, защищала Русское Правительство передъ крайне предубѣжденной и враждебной публикой.

Если репрессіи отвѣчали на убійства, г-жа Новикова, какъ и многіе русскіе, брала сторону правительства и находила логическое объясненіе каждому случаю. Любимая тема для нападковъ на Россію англійской печати были преувеличенные, а часто и вымышленные ужасы Сибири и жестокости русской тюрьмы. Чтобъ смягчить эти обвиненія, г-жа Новикова согласилась напечатать предисловіе къ книгѣ г-на Винта о Сибирскихъ тюрьмахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1914 г.

Это предисловіе, говоритъ Стэдъ, очень характерно и выражаетъ такъ ясно точку зрѣнія г-жи Новиковой и ея способъ борьбы, что я помѣщаю его полностью:

„Г-нъ Винтъ проявилъ несомнѣнную смѣлость, прося меня написать нѣсколько словъ, къ его книгѣ о русскихъ тюрьмахъ, говоритъ она:

„Меня всякій, кто обо мнѣ слышалъ, знаетъ, что я русская до мозга костей, вѣрующая искренно въ православіе, самодержавіе и націонализмъ;—я глубоко убѣждена въ великую будущность Россіи, какъ въ своемъ собственномъ существованіи. Никогда не лицемѣря, чтобъ скрыть свое настоящее я, я представляю собой все, что ненавистно англичанамъ.

„Я колебалась исполнить просьбу г-на Винта, боясь, что сочувствіе русской женщины къ его энергическому и честному изслѣдованію можетъ скорѣе повредить его книгѣ, чѣмъ ей помочь.

„Другое, важное размышленіе пришло мнѣ въ голову: чтобъ составить правильное мнѣніе о русскихъ тюрьмахъ, необходимо знать настоящія условія русской жизни, чѣмъ англичане, конечно, похвастать не могутъ. Но приводить нѣкоторые факты о нашей странѣ мнѣ трудно, меня бы заподозрили въ сильномъ пристрастіи: мнѣ бы не повѣрили!

„Россія—страна обширная, страна стойковъ, но русской стоицизмъ основанъ на христіанствѣ, это суровая школа для характеровъ. Важно изучить нашу деревенскую жизнь. Она полна самоотверженія, труда и лишеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жизнь крестьянъ такъ сурова, что мы, такъ называемые высшіе классы, не могли бы ее переносить.

„Помѣщики, землевладѣльцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ прежними своими крѣпостными. Послѣдніе, хотя пользуются полной свободой и сами имѣютъ землю, все же думаютъ, видя доброжелательство своихъ бывшихъ господъ, что эти послѣдніе обязаны имъ помогать въ нуждѣ. Нерѣдко эти требованія добродушно исполняются бывшими господами, хотя часто и влекутъ за собой большія матеріальныя жертвы. Я могла бы кое-что рассказать о деревенской жизни изъ моего личнаго опыта; укажу хоть на нѣкоторыя мелочи:

„Навѣщать бѣдныхъ и больныхъ мы считаемъ своей обязанностью, которая иногда бываетъ пыткой. Какъ темны и тѣсны ихъ жилища! Признаюсь, къ стыду своему, я едва могла проглотить ихъ пищу. (Бѣдственное состояніе ихъ я могу сравнить лишь съ бѣднѣйшими областями Ирландіи). Несмотря на

эту суровую неприглядную жизнь, они сильны на видъ и довольны. Они способны весело шутить и послѣ тяжелой дневной работы, отъ восхода до захода солнца, они возвращаются съ поля съ пѣснями и пляской.

„Неумѣлая и неразумная благотворительность вредна у насъ, какъ вездѣ. Примѣръ этого могу привести изъ собственнаго опыта.

„Сынъ мой, вновь назначенный земскій начальникъ, основалъ двѣ школы въ нашемъ Тамбовскомъ имѣніи; то же самое было сдѣлано и другими землевладѣльцами той же губерніи, Нарышкинымъ, Горяиновымъ и пр.

„Главные представители мѣстнаго духовенства и мѣстнаго учебнаго персонала были приглашены обсуждать программу ученія и управленія этихъ школъ, одной для живущихъ на полномъ пансіонѣ (впослѣдствіи начальная школа сельскихъ учителей), а другой для проходящихъ дѣтей нашего прихода. Народныя школы и у насъ всегда бесплатны.

„Проекты воспитанія и ученія были приняты единодушно, но что касается устройства общежитія, освѣщенія, матрацовъ, подушекъ, это встрѣтило сильное порицаніе со стороны членовъ нашего учебнаго комитета. Они находили все это ненужной, вредной роскошью; достаточно для удобствъ крестьянскаго мальчика простая скамья и немного соломы. Больше ничего не нужно“, говорили они.

„Жажда къ ученію у нашихъ крестьянскихъ дѣтей такъ сильна, что кандидаты являются въ подавляющемъ количествѣ, это явленіе наблюдается во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. То же наблюдается въ нашихъ тюрьмахъ. Людямъ, привыкшимъ къ суровой жизни, покажется ли наказаніемъ за ихъ преступленіе, если, вмѣсто лишеній, они будутъ имѣть то, что въ ихъ глазахъ кажется роскошью? Какъ провести черту между необходимостью и роскошью? Тюрьма должна быть наказаніемъ, а не наградой за преступленіе.

„Посѣщая тюрьмы, я слышала такое мнѣніе, что нѣкоторые заключенные—не совершили бы своихъ проступковъ, если бѣ имѣли дома половину удобствъ, доставляемыхъ имъ въ тюрьмѣ. Имъ извѣстно, что пока они содержатся въ тюрьмѣ, о дѣтяхъ ихъ заботятся. Я помню женщину, приговоренную на годъ тюремнаго заключенія за воровство и контрабанду; меня поразило ея печальное лицо. Зная, что срокъ ея наказанія близокъ, я спросила, почему она такая грустная? Развѣ она не знаетъ, что срокъ ея заключенія кончается? спросила я.

„Я горюю о сынѣ, я увѣрена, что онъ умеръ, я писала ему два раза, но не получила отвѣта“, отвѣчала она, рыдая. Его арестовалъ за нищенство и бродяжничество комитетъ о нищихъ.

„Такъ какъ ты знаешь, гдѣ онъ, сказала я, я поѣду къ нему и скажу тебѣ всю правду о немъ. Подожди терпѣливо моего возвращенія“.

„Я поѣхала въ учрежденіе о нищихъ очень далеко, отдѣленное отъ тюрьмы, и вызвала мальчика. Видъ у него былъ здоровый и опрятный.“

„Мать твоя шлетъ тебѣ благословеніе, сказала я. Она здорова, но огорчена тѣмъ, что ты не отвѣчаешь на ея письма. Развѣ ты ихъ не получилъ?“

„Да, я ихъ получилъ, но я не умѣю писать. Меня начали учить здѣсь, я знаю лишь только нѣсколько буквъ.“

„Со мной, при поѣздкахъ въ тюрьмы, всегда бывали письменныя принадлежности, чтобъ, въ случаѣ надобности, писать письма подъ диктовку безграмотныхъ заключенныхъ. Я предложила свои письменныя услуги мальчику.“

Онъ просіялъ „Да скажите ей, что меня здѣсь очень хорошо кормятъ, три раза въ день, и дадутъ сколько хочешь“.

„Что еще, спросила я, не хотѣлъ бы ли ты видѣть свою мать? Ходишь ли ты въ церковь и молишься ли о ней?“

„Да. Скажите, чтобъ она скорѣй пришла жить со мной здѣсь.“

„Пріятно было видѣть, какъ мое сообщеніе обрадовало мать и заинтересовало ея тюремныхъ товарокъ!“

„Помогать несчастнымъ составляетъ истинное удовольствіе для русскихъ людей, намъ почти не надо проповѣдей о милосердіи и состраданіи, насъ воспитываютъ въ этихъ понятіяхъ съ дѣтства; христіанство—не пустой звукъ для насъ, оно представляетъ ясный, категорическій принципъ, составляющій звено между нами, отъ Императора и до самаго смиреннаго мужика. Наши классы служатъ прекраснымъ примѣромъ этого. Первая, наша Государыня, душа всякаго благотворенія. Я никогда не слышала, чтобъ просьба, обращаемая къ ней, осталась безъ отвѣта. Трудно быть добрѣе Государя! Великая Княгиня Александра Іосифовна, несмотря на громадное число просьбъ, все находитъ время на нихъ удѣлять не мало вниманія, и щедрость ея дѣйствительно поразительна: во время голода, она между прочимъ взяла на себя прокормить, въ теченіе года, тысячу крестьянъ. Я бы могла указать еще примѣры щедрости нашей Царской семьи.“

„Среди частныхъ лицъ, укажу на примѣръ, на нашего оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева и его жену; несмотря на слабое здоровье, она не только учредила великолѣпную школу, посѣщая ее ежедневно и часто проводя тамъ даже часть ночного времени. Съ помощью мужа она собираетъ большія суммы, для сосланныхъ на Сахалинъ, посылаетъ имъ одежду, нужныя орудія, табакъ, игрушки, письменныя принадлежности и религіозныя книги. Наши низшіе классы любятъ только Божественныя книги, какъ они ихъ называютъ. Духовныя книги въ очень большомъ спросѣ и нерѣдко удерживаютъ народъ отъ нигилистической пропаганды.

„Вотъ еще примѣръ: Сергѣй Александровичъ Рачинскій, извѣстный Московскій профессоръ, человѣкъ свѣтскій, независимый, безъ всякихъ само-рекламированій, встрѣчаемыхъ въ Западной Европѣ, зарылся въ своемъ имѣніи, гдѣ основалъ школу, которая послужила примѣромъ десяти, двѣнадцати школамъ той же губерніи, и которую онъ ведетъ лично съ отеческой заботой и въ православномъ духѣ. Онъ начинаетъ также учреждать общества трезвости по всей Россіи.

„Я могла бы рассказать о безчисленныхъ случаяхъ, доказывающихъ, что человеколюбіе широко развито въ Россіи. Имъ проникнуты всѣ наши дѣла, включая тюрьмы.

„Екатерина Великая говорила: „Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго осудить. Это правило нерѣдко примѣняется нашими судьями.

„Въ Англіи убійцъ преспокойно вѣшаютъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и случается это довольно часто, а въ Индіи строгость, по свидѣтельству самихъ англичанъ, принимаетъ громадныя размѣры. А случая тѣлеснаго наказанія считали тысячами до самаго 1909 года. Такъ: по официальнымъ даннымъ въ 1897 году было 24.818 случаевъ тѣлеснаго наказанія, а законъ объ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ такихъ наказаній прошелъ лишь въ 1909 г. Смертная казнь претитъ общественному чувству въ Россіи и была примѣняема къ счастью лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ.

Да вѣдь и подлинно: какъ же лишать человѣка возможности покаяться и, можетъ быть, загладить свое преступленіе? Но старанія — улучшить нашу тюремную систему, къ счастью, не прекращаются.

„Желающіе знать настоящее состояніе русскихъ тюремъ въ 1891 г. пусть прочтутъ вполнѣ правдивую книгу г-на Винтъ. Должна прибавить: онъ видѣлъ больше русскихъ земель, чѣмъ

я, къ сожалѣнію, я никогда не была въ Сибири, онъ два раза. Наше тюремное начальство, въ Европѣ и Азіи, убѣжденное въ его искреннемъ желаніи писать правду, исключительную правду, отворяло ему двери тюрьмы днемъ и ночью, когда бы онъ объ этомъ ни просилъ. Я рада, что наши власти такъ хорошо къ нему отнеслись.

„Чѣмъ больше читаешь его книгу, тѣмъ больше убѣждаешься, что все, что онъ пишетъ, будь то похвала, или порицаніе, онъ глубоко въ этомъ увѣренъ. Англичанинъ имѣетъ собственные взгляды и чувства, пусть онъ выражаетъ ихъ откровенно, если имъ руководитъ искреннее уваженіе къ правдѣ. Въ этомъ направленіи книга г-на Винта достойна подражанія и служитъ контрастомъ столь популярной, въ Англіи, литературѣ, которая основана на воображеніи и вымышленныхъ нашихъ полицейскихъ донесеніяхъ. Въ каждой странѣ имѣются тюрьмы, надо предположить, что каждая страна имѣетъ преступниковъ и, при желаніи, легко можетъ изобрѣсти всякіе ужасы по этому поводу. Въ Англіи, къ сожалѣнію, чѣмъ безстыднѣе преувеличеніе, тѣмъ лучше оно оплачивается. Къ тому же биржевая игра не рѣдко усиливается отъ такихъ вымысловъ.

Довѣрчивые читатели англійскихъ газетъ часто вводятся въ заблужденіе печатью. На меня сердились, въ прошломъ году, когда я напомнила имъ, какую силу представляетъ Россія. Я сказала, что Россія великая военная страна съ двухъ-милліонной арміей, на которую ни одна Европейская держава не посмѣетъ напасть, безъ посторонней помощи; я могла бы прибавить, что еще важнѣе, способность Россіи превратить свою будничную жизнь въ геройскіе подвиги, не разъ удивившіе міръ, въ минуты народныхъ испытаній. Не могъ ли бы такой народъ быть полезнымъ другомъ и союзникомъ всякой державы?

„Что бы я дала, чтобъ обладать искусствомъ лечить нравственную слѣпоту? Какое грандіозное зрѣлище представляли бы собой двѣ великія христіанскія державы, дружно работающія не только въ Европѣ, но въ особенности въ Азіи, гдѣ теперешняя ихъ политика только мѣшаетъ цивилизаціи иноземныхъ племенъ?

„Поэтому каждый англійскій писатель, помогающій вѣрному пониманію Россіи, оказываетъ услугу христіанскому дѣлу.

Г-нъ Винтъ одинъ изъ нихъ, и я, какъ русская, могу только пожелать успѣха ему и его книгѣ. Если „Noblesse oblige, Christianisme oblige plus encore“.

Какъ прибавленіе къ этой главѣ, говоритъ Стэдъ, я привожу одно изъ послѣднихъ писемъ Фруда къ м-ше Новиковой отъ 2-го апрѣля 1892 года:

„Съ интересомъ прочелъ книгу Винта. Ваше предисловіе—самая остроумная его часть. Винтъ скученъ, хотя факты его могутъ быть точны. Графа Льва Толстого я давно считалъ сумасшедшимъ. Замѣтите, большинство людей, когда они недовольны своей прошлой жизнью и раскаиваются, сваливаютъ вину на общество, въ которомъ жили, вмѣсто того, чтобъ обвинять себя. Насколько я понимаю, Толстой велъ безпорядочную жизнь одно время, когда уже пользоваться онъ ею не могъ, тогда онъ вдался въ религію и революцію. Поэтому онъ именно во вкусъ теперешнихъ англичанъ. Газеты пишутъ о немъ, какъ объ угнетаемомъ Иліи“.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

